

Jak Marriten

СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ТИК-ТОК

ЖИВОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Jak Marriten

Сон разума рождает тик-ток

«Автор»

2026

Marriten J.

Сон разума рождает тик-ток / J. Marriten — «Автор», 2026

В подвале, пахнущем щами и свободой, двое парней пытаются бороться с системой, перекупившей их хештег. Лютый — старый панк с наколкой «Не забудь дышать» на пальцах. Кэп — зеленоволосый маркетолог, который разучился жить без экрана. Их оружие — баллончики с краской, старый магнитофон и голос с катушечной ленты. Но враг не в полиции и не в ментах. Враг — ассимиляция. Когда твой протест становится удобрением для картошки, а бунт — контентом для рилсов, остаётся только одно: выйти из сети на улицу. На стены. В холодную ночь, где Это история о цифровых призраках, старых кассетах и людях, которые не хотят быть скроллящими тварями. Панк-рок против алгоритмов. Бетон против облачных серверов. Эхо против забвения.

© Marriten J., 2026

© Автор, 2026

Jak Marriten

Сон разума рождает ТИК-ТОК

Глава 1. Нулевой километр

Подвал пах щами, старыми ампулами и ещё чем-то сладковато-химическим — возможно, остатками растворителя, которым Лютый отмывал трафареты. Воздух стоял плотный, как кисель. В углу на бетонном полу валялся сломанный принтер — память о прошлой жизни, когда они пытались печатать листовки. Принтер сдох после третьей партии, зато оставил после себя вонь горелого пластика и поломанную шестерёнку, которую Лютый носил на шее как талисман.

Лютый сидел на колонке — старой, ещё советской, с облезлой краской и проржавевшим днищем. В руках — зажигалка «Cricket», китайская подделка. Язычок согнулся, колёсико ходило туго. Он ковырял в ней выпрямленной скрепкой, матерился сквозь зубы. Пальцы — в наколках, сделанных ещё в армии: «Не забудь дышать» на костяшках левой руки, искореженная роза на правом запястье. Татуировки давно поблекли, краска расплылась в синеву, как акварель под дождём. **Ему было тридцать девять, но выглядел он на все пятьдесят — сказались годы, которые он отсчитывал не по календарю, а по срокам: четыре тюремных «ходки», две из них — за «краску» и за «слово».**

Напротив, на матрасе, который помнил ещё девяностые (судя по пятнам и запаху), сидел Кэп. Двадцать три года, зелёные волосы, лицо человека, который за последние полгода пересмотрел сотни гигабайт обучающих роликов по продвижению и в итоге научился только одному — бояться алгоритмов. Он вертел в руках два телефона. Один — личный, с разбитым экраном. Второй — рабочий, с тремя сим-картами и аккаунтами во всех соцсетях, включая те, о которых нормальные люди даже не слышали.

— Ты где был? — спросил Кэп, листая ленту на втором телефоне. Свет экрана выбелил его лицо, сделал похожим на маску. — Я тебе с восьми утра звоню. Двадцать пропущенных.

— Землю рыл, — ответил Лютый, не поднимая головы. Щёлкнул зажигалкой. Раз. Два. На третий раз вырвался жидкий оранжевый огонь, коптящий, с кислым запахом газа. — У тебя есть три минуты, пока этот звук меня не выбесил, — кивнул на телефон, из динамика которого доносилось характерное потрескивание уведомлений. — Говори по делу.

— Нас выносят. — Кэп отложил один телефон, взял другой. — «Реальные пацаны» перекупили хештег.

Лютый наконец поднял глаза. Взгляд тяжёлый, сосущий, как чёрная дыра.

— Какой хештег?

— #ростволна. Наш. Который мы два месяца раскручивали. Который в тренды залетал. Теперь он про удобрения.

Лютый замер. Зажигалка в его руке чихнула и погасла.

— Про какие удобрения?

— Сельхоз, бля. Агродилеры. Какая-то контора из Рязани. У них мужик в Верховном, лоббирует интересы. Или просто деньги большие. Не важно. Важно то, что теперь, когда кто-то ищет #ростволна, ему показывает удобрения для картошки. И первый пост — не наш манифест, а реклама аммиачной селитры.

Кэп говорил быстро, почти взахлёб, потому что привык укладывать мысли в минуты и секунды — наследие тиктока, где длиннее минуты никто не смотрит. Пальцы его дрожали. Не от страха. От кофеина. Он выпил уже четыре банки энергетика с утра, и сердце стучало где-то в горле.

— То есть, — медленно сказал Лютый, — мы теперь рекламируем удобрения?

— Мы теперь никто. Наш хештег — коммерция. Нас затерли, понял? Затерли, как старую запись на кассете. Не удалили, не запретили — просто сделали невидимыми. Потому что когда твой хештег про удобрения, никто не найдёт твои посты. Это умнее, чем бан. Бан — это война. А это... это ассимиляция.

Кэп наконец положил оба телефона на матрас и потёр переносицу. Под глазами — синие круги. Он не спал третьи сутки, потому что ночью сидел в аналитике, пытался понять, куда утекает охват, и в итоге нашёл только одно — они стали цифровыми призраками. Есть, но их не видно.

— Я предлагаю ребрендинг, — сказал Кэп, и в его голосе прорезались нотки коуча, которые он подцепил на бесплатных вебинарах. — На «Свободную кассету». Стильно, винтаж, аналог. Против цифры. Сделаем ленту в телеграме, будем выкладывать аудиосообщения. Сырой звук, шипение, никакой обработки. Это сейчас заходит.

Лютый затянулся пустотой. Сигарета у него кончилась ещё вчера, и он сжимал в пальцах пустой фильтр, чтобы хоть как-то успокоить нервы.

— Свободную кассету, — повторил он, пробуя слова на вкус, как дохлую мышь. — Ты это серьёзно сейчас?

— А что? У нас же борьба за аутентичность. За живой звук. Против алгоритмов, против искусственного интеллекта, против вот этого всего, — Кэп развёл руками, обводя подвал, в котором не было ничего, кроме плесени, бетона и запаха отчаяния.

Лютый встал. Колонка под ним жалобно скрипнула, словно ей тоже было больно слушать этот бред. Он подошёл к Кэпу вплотную. Сверху вниз — потому что Лютый был выше на голову и шире в плечах. Запах пота, машинного масла и той самой химической сладости, которая пропитала его куртку насквозь.

— Слушай сюда, маркетолог ты хренов. — Голос Лютого низкий, с хрипотцой, как у человека, который слишком много курил и слишком мало разговаривал. — **В девяносто седьмом, когда мне было двенадцать, я уже клеил листовки на подстанциях — отец брал меня с собой, потому что не с кем было оставить. Током шибало, волосы вставляли дыбом, но люди читали.** Потому что листовка была единственным способом сказать то, что нельзя было сказать вслух. В две тысячи седьмом я фломастером по асфальту писал, пока менты не везли в автозак. И знаешь, что? Менты боялись. Не нас. Они боялись, что завтра на этом асфальте кто-то прочтает и задумается.

Он наклонился так, что его лицо оказалось в сантиметре от лица Кэпа. Тот вжался в матрас, но не отвёл взгляд. В этом был его единственный талант — не отводить взгляд, даже когда страшно.

— А теперь, — продолжал Лютый, — ты мне предлагаешь «Свободную кассету». На что её записывать? У тебя магнитофон есть? Где ты возьмёшь чистые кассеты? Ты вообще видел кассету вживую или тебе её в тиктоке показывали как «тренд 90-х»?

— У меня есть старый «Сони». — Кэп выдал это так, словно признавался в страшном грехе. — У деда взял. Дед коллекционировал.

— Один магнитофон на всех? — Лютый выпрямился, прошёлся по подвалу. Под его ботинками хрустело битое стекло — остатки лампочки, которую они разбили неделю назад и поленились убрать. — И куда ты его поставишь? На Арбат? С ментами договариваться будешь? Или ты думаешь, они тебе разрешат торговать свободой слова, потому что у тебя этикетка красивая?

— Мы можем сделать капсульную коллекцию. — Кэп уже понял, что сморозил глупость, но остановиться не мог. Слово «капсула» выскочило само — из тех самых вебинаров, где учили «упаковывать смыслы». — Пятьдесят кассет, ручная нумерация, каждый экземпляр с уникальным вкладышем. Тираж ограниченный. Хайп, дефицит, потом перепродажа на «Авито» в три дорого.

— Выйди вон.

Кэп не вышел. Он вообще не умел выходить — только скроллить и предлагать. Это была его драма. И драма целого поколения, которое выросло с мыслью, что любая идея хороша ровно до тех пор, пока за неё можно получить лайк. А если лайков нет — то идея плохая, даже если это правда.

За стеной, в соседнем подвале, кто-то долбил «Гражданскую оборону». Но не ту, настоящую, где Летов орал в расстроенный микрофон, а ремикс на бит с тиктока: ускоренный вокал, наложенный на глубокие басы, и сверху — звук, похожий на чирканье ножом по стеклу. Потому что даже Егор Летов теперь продавался как саундтрек для нарезок с котиками.

Лютый приложил ладонь к стене. Штукатурка крошилась под пальцами.

— Слышишь?

— Что?

— Смерть аутентичности. Она стучится не в дверь. Она через вай-фай лезет. У неё нет лица. Она просто тихо подменяет одно другим. И ты даже не замечаешь, потому что ты всегда в телефоне.

Кэп промолчал. Он полез во второй телефон — тот, без сим-карты, на котором не было ничего, кроме диктофона и чёрно-белой фотографии на заставке. Пальцы забегали по экрану, открывая заметки. Там были десятки идей, списки, стратегии — всё, что он нагенерировал за последние месяцы. Ни одна не сработала. Но он продолжал писать, потому что если перестать — придётся признать, что они проиграли.

— Ладно, — сказал наконец Лютый. Голос его сел, как будто он только что прокричал что-то очень важное, но никто не услышал. — Давай твой план. Но если я ещё раз услышу слово «капсула», я тебе этой капсулой зубы выбью. Вставные будешь заказывать с доставкой на дом.

Кэп улыбнулся. Улыбка вышла кривой и болезненной — как у человека, который устал настолько, что уже не отличает надежду от агонии.

— Договорились, — сказал он.

И в этот момент погас свет.

Не постепенно, не с намёком — резко, как будто кто-то щёлкнул выключателем. Подвал утонул в кромешной тьме. Только экраны телефонов светились тусклым, призрачным светом, выхватывая из мрака лицо Кэпа снизу — точно как у священника на исповеди перед монитором.

— Твою мать, — сказал Кэп.

Лютый не сказал ничего. Он нащупал в кармане зажигалку, щёлкнул. Огонь взвился жидким языком, осветил стены с облупившейся краской, груду мусора в углу, трещину в бетонном полу, похожую на карту неизвестной страны.

— Пробки вырубили, — сказал он. — Сверху. Кто-то знает, что мы здесь.

— Менты?

— Хуже. Свои.

— Откуда свои? У нас же никого нет.

Лютый посмотрел на Кэпа. В свете зажигалки его лицо казалось высеченным из камня — старое, морщинистое, хотя ему было всего тридцать девять.

— Именно поэтому. У нас никого нет. А это значит, что тем, кто нас затирает, не нужно с нами бороться. Им просто нужно, чтобы мы сами погасли. Как лампочка. Как та же кассета. Как любая мысль, которую нельзя монетизировать.

Зажигалка чихнула и погасла. Осталась только подсветка телефона — белая, мертвенная. В ней оба выглядели так, будто уже умерли, но забыли упасть.

— И что теперь? — спросил Кэп.

— Теперь, — Лютый нащупал в кармане одноразовую сигарету, которую сэкономил три дня, потому что денег не было даже на «Приму». — Теперь мы вспомним, что сопротивление

— это не посты в соцсетях. Это когда у тебя нет связи, нет света, нет никакой надежды — а ты всё равно идёшь. Потому что если ты не пойдёшь, то кто пойдёт?

Он закурил. Огонёк тлеющего табака осветил его лицо снизу, как маленький костёр в конце тоннеля.

Снаружи начинался рассвет. Никто его не ждал. Но он пришёл — серый, мутный, сквозь закопчённое окно подвала, выходящее в мусорный бак. Пришёл, чтобы осветить двух парней, которые сидели в темноте и заново учились дышать.

— Значит, так, — сказал Лютый, выдыхая дым в потолок. — Сегодня в пять на «Инфо-цыганском мосту» сбор. Я сказал Старому. Придут Вобла, Шнырь, может, ещё кто. Мы решаем, что делать дальше. Но без твоих «капсул» и «свободных кассет». Понял?

— Понял, — кивнул Кэп.

— И Кэп.

— Что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.